

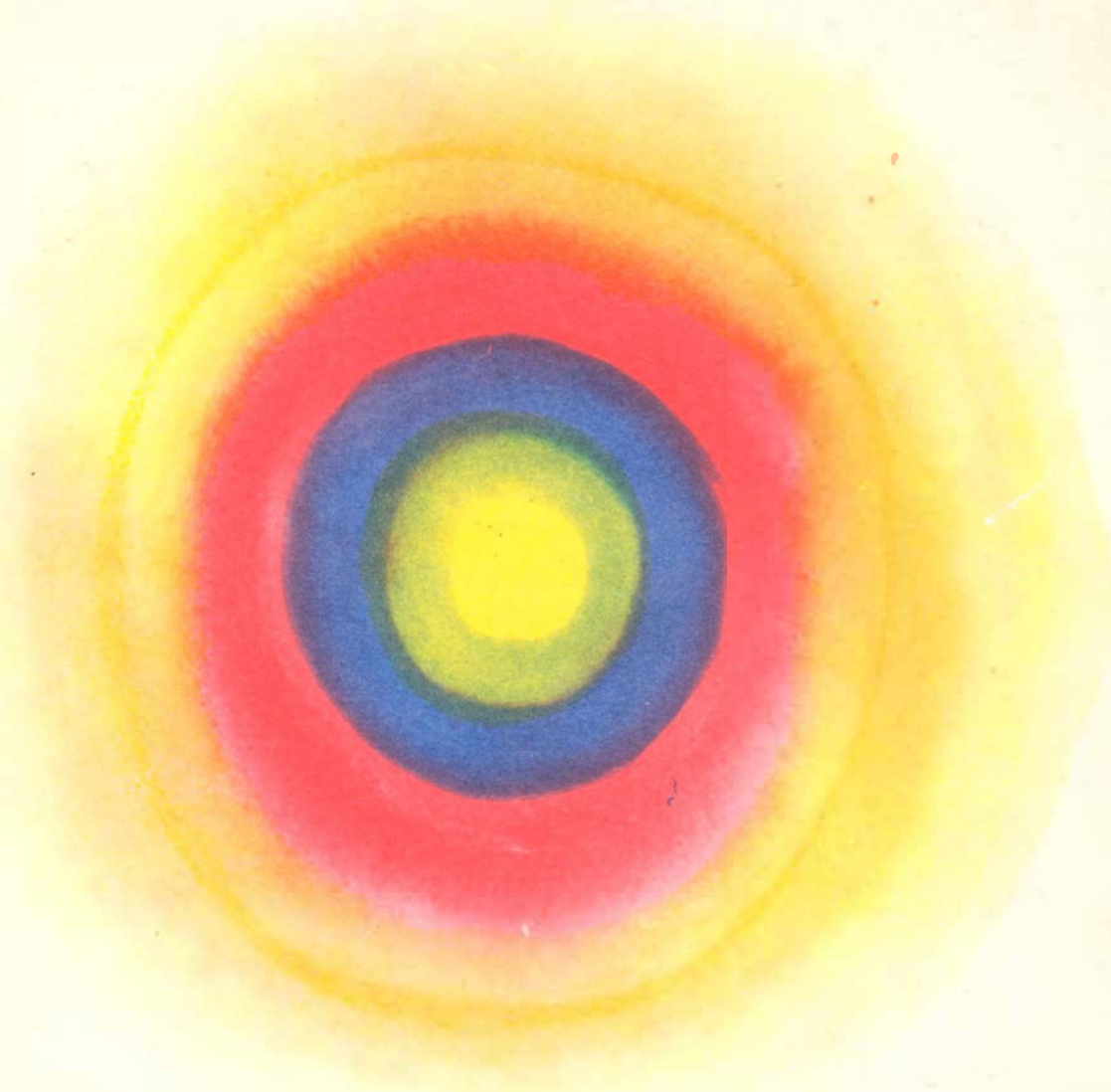
АНАТОЛИЙ ГУРОВИЧ

ПРО
СЛОНА
ВИЛЛИ,

КОТОРЫЙ
РАБОТАЕТ
В ЦИРКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ“
МОСКВА 1976

Для дошкольного возраста

Анатолий Борисович Гурович

ПРО СЛОНА ВИЛЛИ, КОТОРЫЙ РАБОТАЕТ В ЦИРКЕ

Художник **С. Остров**

Редактор **Б. Цыбина**
Художественный редактор **Д. Пчелкина**
Технический редактор **О. Шмалько**
Корректор **Н. Шадрина**

Сдано в производство 13/III-75 г. Подписано в печать 20/II-76 г. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 2.0. Уч.-изд. л. 1.95. Тираж 200 000. Цена 16 коп. Изд. № 2732. Заказ № 395. По оригиналам издательства «Малыш», Москва, К-55, Бутирский вал, 68. Московский комбинат бумажных изделий Российского промышленного объединения по производству игрушек «Роспромгрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР, Москва, Люсиновская, 30.

Г 70801-268
М102(03)-76 без объявл.-76

© Издательство «Малыш», 1976

Один знаменитый дрессировщик рассказал мне про своего слона Вилли.

Хороший у него слон, послушный, и артист прекрасный. Всё умеет делать в цирке: и важно ходить по кругу манежа, время от времени поднимая хобот и приветствуя зрителей, и на шаре умеет стоять на одной ноге, и цыганочку умеет танцевать. Делает он это так: сядет на барьер манежа, в ушах у него серьги величиной с медный таз, на голове пёстрый платок, а Вилли сидит на барьере, музыка играет, и он в такт музыке бьёт хоботом в бубен, да ещё ногой притопывает.

Вилли даже считать умеет. Спросит его кто-нибудь из зрителей: „Сколько будет три плюс два?“ — и Вилли сейчас же хоботом отложит пять палочек. А другой крикнет: „Сколько будет пять минус три?“ — и Вилли отложит две палочки. Зрители так увлекутся, что кто-нибудь спросит ещё: „Сколько будет три плюс три?“ Ясно, что шесть. А у Вилли-то всего только пять палочек. Но он не растеряется. Разложит все пять палочек. Потом возьмёт одну из них, переломит пополам — и получится у него шесть палочек! Что тогда делается в цирке — сказать невозможно. Все хлопают, кричат и рассуждают: в самом ли деле слон умеет считать или тут хитрость какая-то?

Потом начинают ещё сильнее хлопать дрессировщику, понимая, что дело-то, конечно, в нём, в дрессировщике. Но всё равно, когда Вилли уходит с манежа, только и разговора про то, какой умный слон.

Дрессировщик говорит, что Вилли и в самом деле очень умный, талантливый и работать с ним одно удовольствие. Вот только перевозить его из одного города в другой — это когда они едут выступать в новый цирк — очень трудно.

Обычно Вилли везут по железной дороге в большом пульмановском вагоне, который он занимает целиком — такой Вилли громадный. Но ведь его ещё нужно туда, в вагон, поместить.

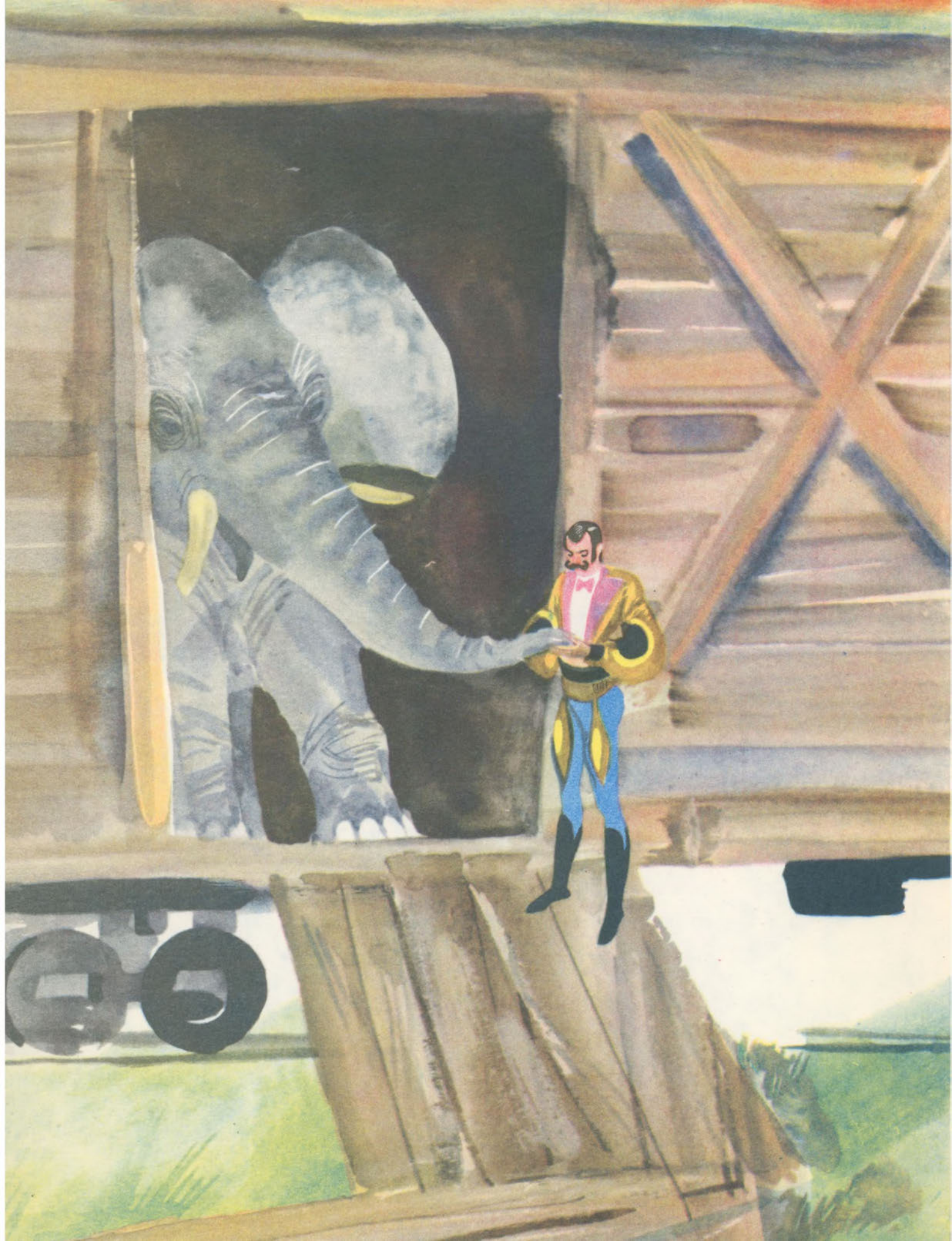
А вот это уже целая история. Служители кладут прочные доски — сходни, по которым Вилли и должен взойти в вагон. Когда доски положены и поправлены, кто-нибудь из служителей сам идёт по ним, показывает слону, как это просто, и зовёт Вилли.

А Вилли долго стоит, раздумывает, немного покачиваясь и чуть-чуть шевеля хоботом. Он всё-таки сомневается, прочны ли доски. Потом пробует их ногой и отворачивается.

Идти он категорически не хочет. Он боится, что доски не выдержат его огромной тяжести, и он упадёт. Даже представить себе трудно, что будет, если слон вдруг упадёт! Когда Вилли приходит в голову такая ужасная мысль, он окончательно решает остаться в этом городе навсегда. Тем более, что здесь очень хорошо. Сено есть, морковка, свёкла, отруби — всё есть. И зрители каждый вечер приходят в цирк и, довольные работой Вилли, громко хлопают. Что ещё нужно? Да и дрессировщик доволен. Вилли это знает точно. Потому что, провожая Вилли с манежа после работы, дрессировщик всякий раз ласково постукивает его палочкой по ноге и говорит: „Умница!“

Зачем же тогда уезжать? Да ещё лезть на эти тонкие, ненадёжные доски, по которым никакой уважающий

себя слон не пойдёт. Кроме того, ведь в другом городе будет то же самое, что и здесь — сено, морковка и зрители. Зачем же ехать?

Подумав обо всём этом, Вилли твёрдо решает никуда не ехать. И сколько его ни уговаривают войти в вагон — он теперь ни в какую. Не хочет, и всё.

Тогда посылают за дрессировщиком. Дрессировщик приходит рассерженный. Но когда он подходит к Вилли, то становится ласковым, спокойным, хлопает его по боку, достаёт из кармана сахар и кладёт прямо Вилли в рот. Вилли моргает от удовольствия, а дрессировщик что-то шепчет ему в огромное ухо. Вилли внимательно слушает, а хоботом пытается найти тот карман, где лежит сахар. Но дрессировщик сам даёт ему ещё. Потом дрессировщик, как и Вилли, пробует ногой доски и говорит:

— Всё в порядке, Вилли. Пойдём, мой мальчик, пойдём, мой маленький!

И в конце концов он его уговаривает. Они вместе медленно и осторожно входят по доскам в вагон. А когда Вилли уже в вагоне, он чувствует себя спокойно. Ему даже нравится ехать и дремать под стук колёс.

А один раз Вилли везли не по железной дороге, а на пароходе.

Когда пароход причалил к пристани, с него на пристань положили сходни, по которым сошли на берег все пассажиры, прибывшие в этот город. Настала очередь Вилли. Он, как всегда, попробовал ногой доски и почувствовал, что они слегка покачиваются. Ведь пароход стоял не на твёрдой земле, а на воде. Вилли больше ни о чём и думать не стал. Сразу же повернулся и пошёл обратно к тому месту, где он стоял, пока плыл на пароходе. И сколько его ни упрашивали, всё было бесполезно.

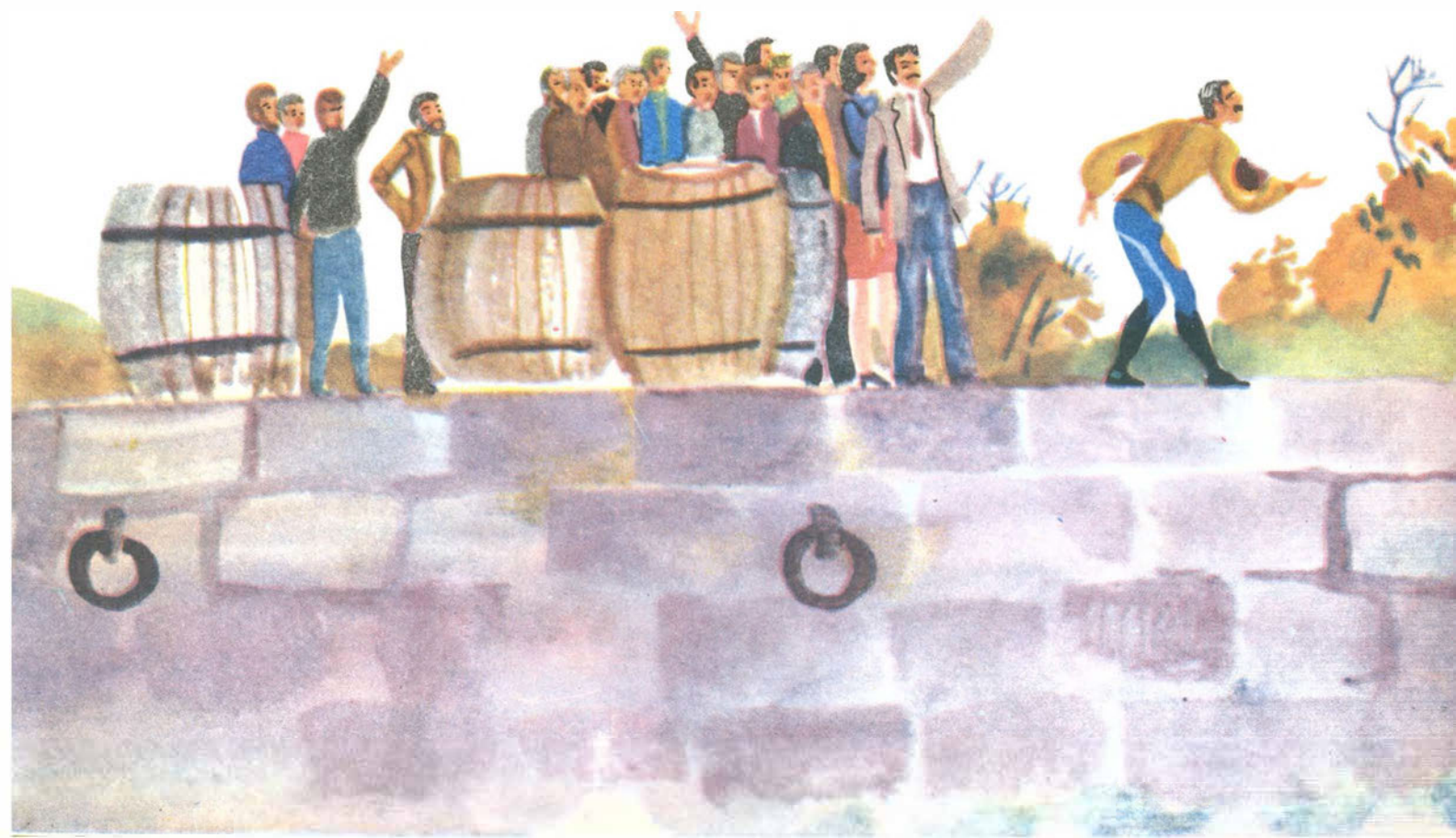
Конечно, Вилли не собирался оставаться жить на этом пароходе. Но и что делать, он ещё тоже не знал. Не придумал.

А время между тем шло. Пароходу нужно было плыть дальше в другой город. Пароходы ведь тоже, как и поезда, отправляются и прибывают строго по расписанию. А тут прошёл час. Прошло два часа. А Вилли всё не сходит, задерживает пароход.

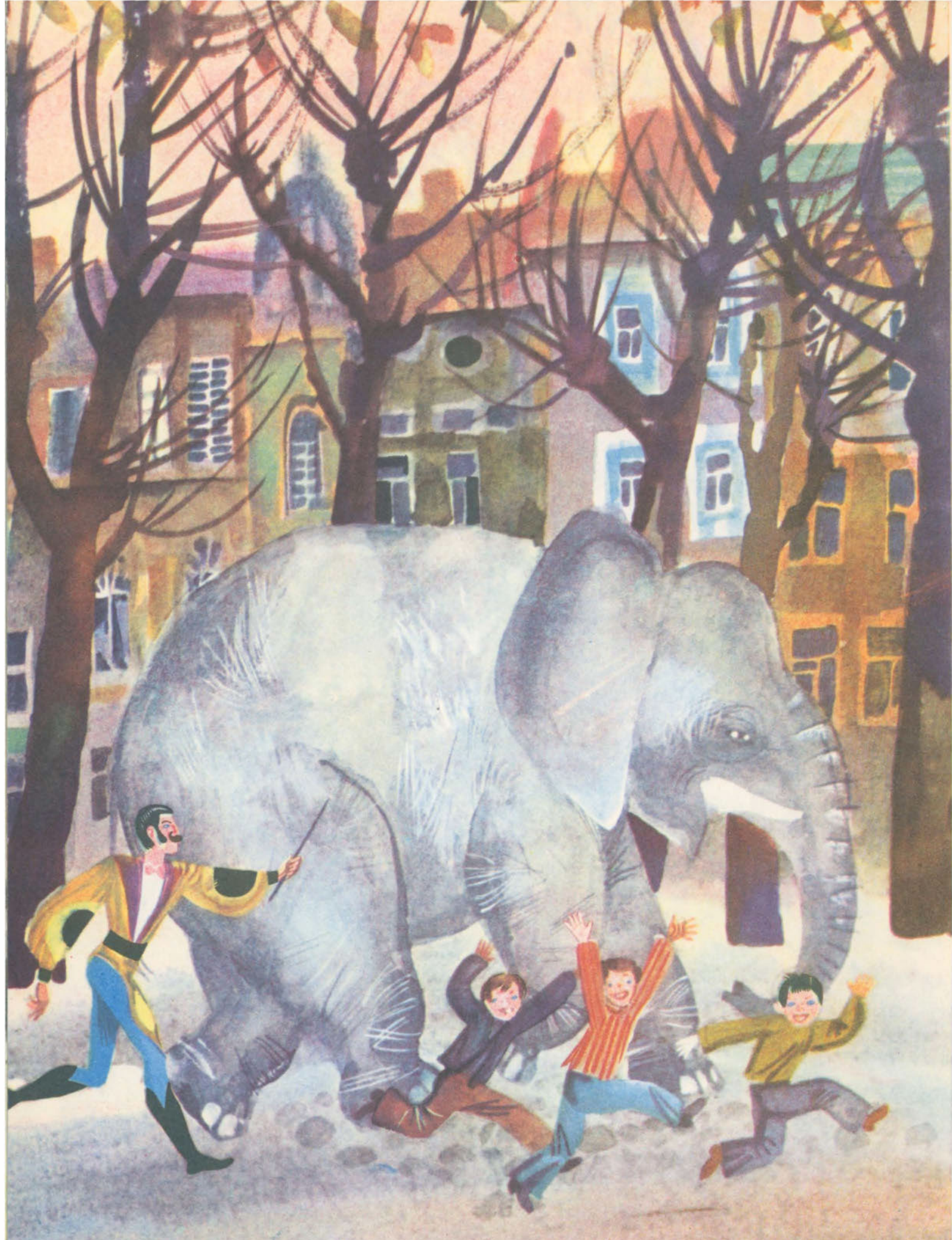
Капитан сказал дрессировщику, что он больше ждать не может и что отправит пароход вместе с Вилли. А уж там, как получится. Может быть, Вилли сойдёт на пристани в другом городе, и тогда его привезут сюда по железной дороге.

Но уж очень знаменитый был дрессировщик, и его ждало много зрителей в этом городе. А без Вилли какое же представление! Дрессировщик попросил капитана ещё немного подождать. И капитан согласился, хотя знал, что у него будут большие неприятности. Но он сам очень любил цирк и понимал, какое удовольствие получают жители этого города, когда увидят Вилли.

Прошёл ещё целый час, а Вилли всё ещё не сходил с парохода. Дрессировщик рассердился не на шутку и даже закричал в гнев на Вилли. Вилли очень обиделся

и отвернулся. Он стоял, покачиваясь, и смотрел в стенку. И кто бы ни подходил теперь к нему, он начинал пятиться задом, и все сразу отскакивали.

Дрессировщик задумался. Потом сказал:

— Вилли, я понимаю, что ты волнуешься. Но ведь я тоже волнуюсь: пароход-то мы с тобой задерживаем. А это непорядок... Давай забудем нашу ссору и помиримся.

Услышав это, Вилли перестал раскачиваться и тоже, наверно, задумался. Потом он немного повернулся, протянул хобот, обнял хоботом дрессировщика и притянул его к себе. Так они помирились. И снова стали разговаривать, как старые друзья. Говорил, конечно, дрессировщик. Но Вилли так умно смотрел на него и ласково дотрагивался хоботом то до руки, то до плеча дрессировщика, что получалось, будто они говорят оба.

О чём они говорили, никто не знает, потому что дрессировщик велел всем уйти. И они остались вдвоём.

Прошло ещё немного времени. И вот, наконец, показали дрессировщик и Вилли. Они взошли на сходни и спокойно спустились на берег.

Капитан был так поражён, что даже забыл дать команду отправляться. А когда взглянул на часы, ахнул: на целых пять часов Вилли задержал пароход!

Капитан скорее стал приказывать:

— Убрать трап!

Это так сходни называются у моряков.

— Отдать швартовы!

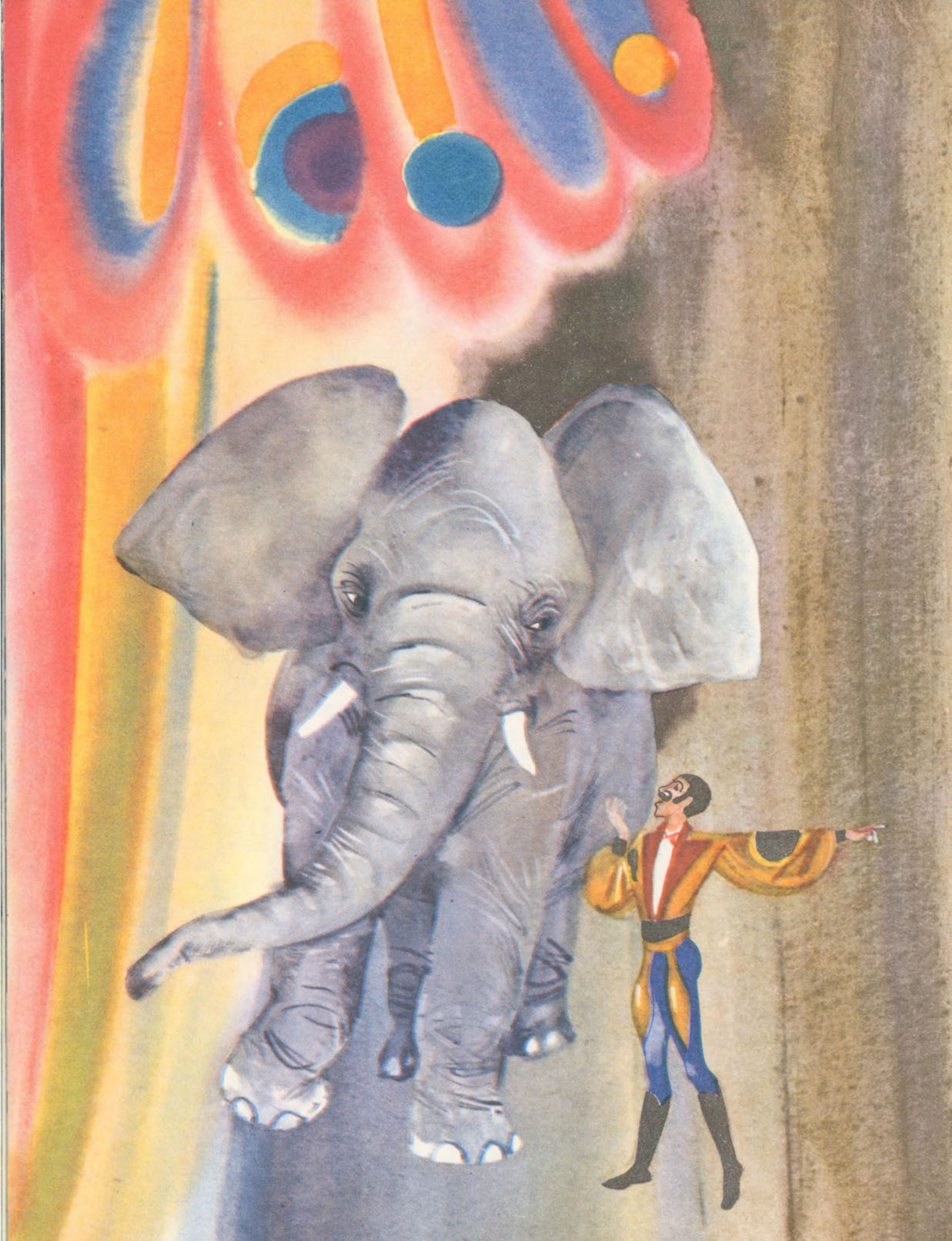
Это значит отвязать канаты, которыми пароход был прикреплён к пристани.

— Малый назад!

— Малый вперёд!

Забегали по палубе матросы, забурлила вода. Пароход стал отходить от берега и разворачиваться, чтобы плыть дальше.

А Вилли между тем уже шёл по улицам города как ни в чём не бывало.

После этого случая дрессировщик решил, что больше так продолжаться не может. Хороший Вилли слон, просто замечательный, но всякий раз с ним такое мученье. Надо что-то придумать. И он придумал.

Вилли дружил с верблюдом Сеней. Они вместе работали в одном номере, вместе отдыхали в цирковой конюшне. Может быть, кому-то Сеня и не нравился. Он был уже старый, с потёртыми боками и смотрел на всех равнодушно. Но Вилли его любил. Так бывает.

А между прочим, Сеню было за что любить. Он был мудрый и удивительно спокойный. Он долго жил, много видел и хорошо понимал, что происходит у людей. Встревожит ночью какой-нибудь непонятный звук всех зверей на цирковой конюшне, проснутся они, забегают

по клеткам, а Сеня спокоен. Он знает, что это рабочие на манеже чинят аппарат для воздушных гимнастов. Ничего страшного нет.

И, глядя, как Сеня мирно жуёт жвачку, Вилли тоже успокаивался. Постепенно успокаивались и все остальные звери.

Вообще Сеня давно понял, что лучше делать так, как предлагают люди. И он смело входил по доскам в вагон, когда везли его выступать в другой город. И также смело спускался по ним из вагона, когда приезжали они на место.

И вот, зная о дружбе Вилли и Сени, дрессировщик придумал, что делать. Он сначала пускал по доскам Сеню, а за ним уже смело шёл Вилли. После Сени он идти не боялся: доверял ему как другу.

Такое уж дело. В цирке без выдумки не проживёшь!

